

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОМИССИИ
ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА
13 ОКТЯБРЯ 1944 Г.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-230-255

Председательствует — тов. Эренбург И. Г.

Товарищи, я вам доложу, что было сделано со времени последнего заседания. Я вас не собирал, потому что было бессмысленно собирать для вздохов. В течение долгого времени не было выяснено, будет ли санкционировано издание этой книги. Мне не ясна и теперь формулировка.

Меня просили написать записку для представления о содержании, планах и цели этой книги¹. Основываясь на нашем первом собрании, я это изложил и представил. Ответа прямого не последовало, но мне было сказано так через Еврейский комитет: сделайте книгу, и, если она будет хорошей, она будет напечатана.

Так как авторами книги являемся не мы, а немцы, а цель книги ясна, я не понимаю, что значит «если <она> будет хорошей»: это не тот роман, содержание которого неизвестно².

Мне кажется, поскольку предоставлена возможность составить рукопись, то вокруг напечатания рукописи можно скорее дать бой. Вопрос приобретает все большую и большую важность в связи с приближением капитуляции.

Мне кажется, что та пропасть, которая была, уменьшается³, судя по поведению некоторых газет и журналов. Отдельные материалы, посвященные этому вопросу, либо напечатаны, либо могут быть напечатаны в ближайшее время. Мне говорили, что журнал «Октябрь» записал <воспоминания> Суцкевера⁴. В журнале «Знамя» должна пойти статья Гроссмана⁵. Есть отдельные симптомы.

[Я вам должен сказать, что симптомы международных явлений следующие: вчера Кино-Совет-учреждение при Кино-Комитете⁶ в составе генералитета Красной армии и генералитета различных видов искусства смотрели американский

¹ Записка И. Г. Эренбурга в ЕАК с концепцией «Черной книги» датирована 6 сентября 1944 г. Опубликовано в сб.: Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 248–249.

² В ГАРФ(б) весь абзац подчеркнут.

³ Эренбург говорит о сложностях с публикацией в советской печати материалов, рассказывающих о массовом уничтожении евреев и расовой политике нацистов.

⁴ Воспоминания А. Суцкевера так и не были опубликованы в журнале «Октябрь», они были изданы с купюрами на идише в 1946 г. (см.: Суцкевер А. Виленское гетто. М.: Дер Эмес, 1946), а впервые на русском — только в 2008 г. (см.: Суцкевер А. Из Виленского гетто: Воспоминания / пер. О. Л. Хайкиной, Н. А. Шварцмана. М.; Екатеринбург: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2008).

⁵ См.: Гроссман, 1944.

⁶ Так в документе. Правильно: Совет при Комитете по делам кинематографии при СНК СССР.

фильм, который называется «Никто из них не уйдет»¹. Этот фильм, который мне лично не понравился, как раз у нас понравился, посвящен суду над немцами. Основным преступлением рейхсканцлера-министра² в Польше показан расстрел евреев, который сделан выразительно и довольно страшно³. О международном плане и говорить нечего.] Внутри, мне кажется, тоже преграды уменьшаются, основываясь на том положении, что статьи были утверждены, которые поступили к подготовке первого тома.

За то время, пока комиссия не имела аппарата и была в пространстве, я лично продолжал работать, и некоторые товарищи просто ездили, как Гроссман, тоже делали подготовительную работу.

[Я сейчас укажу, какие документы собраны, по моим представлениям, материалов на первый том достаточно, хотя я говорил это с большей уверенностью до того, как я познакомился с материалами в Еврейском комитете. Говорили, что у них много документов, они представили 400 названий — это оказались статьи такого же порядка, которые были вначале⁴. Статьи, излагающие различные события, в большинстве случаев эти статьи не могут быть использованы, они, может быть, имеют значение для пропаганды в Америке, но в этой книге они не могут быть использованы. Таким образом, материалов буквальной документации около десяти названий в Еврейском комитете, из которых один является очень обширным, он написан по-еврейски и древнееврейски — это архив Шавли — еврейского совета, в котором имеется большое количество избыточных документов и описаний происходившего там⁵. Затем два-три документа о Минске, один о Вильно, полное отсутствие документов об Украине, о районах старосоветских, за исключением Минска. Я думал, что материалов больше. Основной материал накопился за время подготовки. Я должен оговорить, что наши письма, посланные корреспондентам, дали три-четыре ответа, причем товарищи присылают свои статьи из фронтовой печати либо пишут сами статьи, которые главным образом заполнены рассуждениями, хотя мы написали, что мы ждем от них. Положение таково в данный момент.]

Сейфуллина⁶ представила материал о Крыме, объясняется это тем, что она ез-

¹ Имеется в виду американский фильм режиссера Андре Де Тота «Никто не избежит» («None Shall Escape»). Был снят в 1943 г., выпущен на экраны в 1944-м. Считается первым художественным фильмом о зверствах нацистов.

² Здесь ошибка стенографиста или самого Эренбурга. Главный герой фильма имеет должность польского рейхскомиссара.

³ В ГАРФ(б) подчеркнуто с начала абзаца.

⁴ В ГАРФ(б) все предложение подчеркнуто.

⁵ Имеется в виду архив еврейского совета (юденрата) в литовском городе Шауляй (Шавли). Событиям в Шауляйском гетто посвящен дневник писателя Элиезера Ерушалми (Лазаря Ерусалимского, 1903–1962), который он вел с 23 ноября 1941-го до лета 1944 г., будучи членом юденрата. Совершил побег из гетто, участвовал в партизанском движении, сотрудничал с ЕАК в 1944–1945 гг., собирая и присылая по просьбе Эренбурга в литературную комиссию ЕАК свидетельства об истреблении евреев. Фрагменты его дневника были опубликованы в «Черной книге» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 379–401), в 1959 г. изданы на иврите в Тель-Авиве.

⁶ Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954) — писательница, педагог. Подготовила для «Черной книги» рассказ Евсея

дила в Крым сразу после освобождения Крыма — там скрывалась ее племянница Людмила Шапиро. [Сама Л. Шапиро рассказала отдельные ценные вещи. Вот что представила Сейфуллина: она просила передать свое извинение, что не может быть сегодня, и согласилась это обработать к 1/XI, как я просил. Ею даны два исчерпывающих и исключительно ценных письма женщины, которая спаслась, из Евпатории, она скрывалась в украинских колхозах. Там имеется очень ценный материал о Ялте, как самой Л. Ш<апиро>, так и журналиста-еврея, который прислал очень много об этом. Есть материалы о Керчи и Феодосии. Я этот материал не изучал. В последнюю минуту выяснилось, что может дать ценный материал о Крыме тов<арищ> Квитко. Это составляет более или менее исчерпывающую картину: в показаниях женщины из Евпатории, которая была в Симферополе во время расстрела, там есть данные, посвященные Симферополю.]

Довольно много материалов было об Одессе — мы этот материал предложили В. Н. Инбер¹ как одесситке, знающей город. [Я читал весь материал об Одессе, среди <него> нет ни одного исчерпывающего: Доманевка, Богданово, сам город — это нужно делать из различных показаний. Показаний много, начиная с доктора Адесмана, кончая молодежью, которая спаслась. Я думаю, что Одесса будет сильно представлена в книге.

С Вильно закончил Суцкевер, он сам скажет. Это относится к общему и готовому материалу переводному.] Есть еще описание одной из фабрик смерти — это исчерпывающий материал, который на месте проверил В. С. <Гроссман> в Треблинке.

[Это общий материал, теперь гетто и 9-й форт в Ковно², у нас двоюкого рода материал, помимо документов, которые есть здесь: записи со стен 9-го форта на различных языках, много надписей еврейских, привезенных из Франции, из гетто под Парижем. Записи на стенах сейчас привезла моя дочь — Ирина Эренбург. Сейчас поехал туда Савич³, которому даны точные указания, чтобы он собрал все, что есть в Ковно, он вернется через десять дней и сразу эту работу выполнит, а одновременно я попросил об этих записях-документах на стенах 9-го форта в Ковно Ирину тоже составить запись.

Ефимовича Гопштейна «Уцелел один» об уничтожении евреев в Симферополе (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 528–531).

¹ Инбер (Шпенцер) Вера Михайловна (1890–1972) — русская поэтесса и прозаик, переводчица, родилась в Одессе. Пережила блокаду Ленинграда. Подготовила очерк «Одесса» (изначальное авторское название — «Равнина смерти») для «Черной книги» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 94–106).

² IX форт в Каунасе — один из фортов Ковенской крепости. После Первой мировой войны служил тюрьмой МВД Литвы, в 1940–1941 гг. использовался НКВД как пересыльная тюрьма для политзаключенных на пути следования в лагерь ГУЛАГа. Во время нацистской оккупации — тюрьма и место массовых расстрелов, в большинстве своем евреев, в том числе узников Каунасского гетто. В 1942–1944 гг. в IX форте уничтожили несколько тысяч евреев из ряда европейских государств, в частности Бельгии и Нидерландов (Альтман, 2002: 237). В 1958 г. музеефицирован.

³ Савич Овадий Герцович (1896–1967) — прозаик, поэт, журналист и переводчик. До начала Второй мировой войны работал корреспондентом «Комсомольской правды» в Париже и ТАСС в Испании, в годы войны — в Совинформбюро. Участвовал в подготовке «Черной книги».

Теперь перехожу к материалам сборным, которые неясны, о которых мы слушаем здесь. Сборные материалы были даны далеко неисчерпывающие и неполные: Гроссману о Бердичеве, Эфросу¹ о Каменец-Подольске, Барановичах, Дерману² о различных местечках Винницкой области. Имеется материал тоже неполный в ряде писем о Днепропетровске, которые никому не даны.] Наконец, стоит вопрос о Майданеке — Симонов³ не сможет написать, его нет в Москве, и вопрос нельзя выяснить. Минские документы, очень исчерпывающие, обрабатывает Платонов⁴. У нас есть два минских дневника, написанные разными людьми, затрагивающие организацию сопротивления, которое имело место в Минском гетто.

Из материалов, которые были у меня, обработаны почти исключительно мною индивидуальные документы, то есть такие письма и рассказы, которые хотелось сохранить как письма и рассказы отдельных людей, они относятся к разным областям, их примерно около 50 — это 6½ печатных листов. [Может быть, отдельные места должны быть выброшены, но, во всяком случае, здесь есть ряд очень важных документов.] Я, например, назову посмертное письмо, адресованное в Америку, спрятанное сохранившимися людьми в Барановичах, в котором жена и девочка прощаются с отцом. [Имеется оригинал этого письма.

Имеется ряд документальных показаний о Собиборе, о восстании в Собиборе, в том числе показания одной девушки-голландки. Имеется Харьков, имеется ценный дневник мариупольский, письма детей, вывезенных в Румынию, ряд писем евреев-украинцев — эта сторона представлена убедительными документами.

Из крупных мест, трагичных, отсутствует в первом томе Киев. Мы полагались на Первомайского⁵, но он в смысле сроков нас подвел. Это чрезвычайно обидно, что в первом томе не будет города, который приобрел символическое значение,

¹ Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) — переводчик, литературовед, искусствовед, театровед и педагог. Подготовил к публикации очерк «В местечке Пятигоры Киевской области» по воспоминаниям Раисы Зеленковой, не вошедший в «Черную книгу». См.: Альтман (сост.), 2015: 52–65.

² Дерман Абрам Борисович (Беркович, 1880–1952) — писатель, литературный критик, историк театра. Подготовил три очерка для «Черной книги».

³ Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) — поэт, прозаик, журналист. Стихи впервые опубликованы в 1936 г. в журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия». В 1939 г. работал военным корреспондентом в Монголии (Халкин-Гол), затем окончил курсы военных корреспондентов при Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В годы войны был специальным корреспондентом «Красной звезды», публиковался в «Известиях», фронтовой газете «Боевое знамя». Очерк Симонова о Майданеке «Лагерь уничтожения» был впервые опубликован в трех выпусках газеты «Красная звезда» 10, 11 и 12 августа 1944 г. Литературная комиссия «Черной книги» несколько раз приглашала Симонова принять участие в подготовке «Черной книги» и написать о Майданеке, однако, по неизвестным причинам, материал так и не был представлен.

⁴ В ГАРФ(б) подчеркнуты слова «Симонов не сможет написать, его нет в Москве, и вопрос нельзя выяснить. Минские документы, очень исчерпывающие, обрабатывает Платонов».

⁵ Первомайский Леонид Соломонович (Илья Шлемович Гуревич, 1908–1973) — украинский советский писатель, поэт, драматург, переводчик, военный корреспондент газеты «Правда», корреспондент радиовещания Юго-Западного и Донского фронтов.

но Киев можно сделать только в том случае, если туда сможет кто-нибудь поехать. Сделать письма можно, но не в такой срок.

Вот сообщения о работе. Помимо этого, у нас есть целый ряд конкретных предложений, которые я скажу после того, как мы обсудим эту часть работы.

Я попросил бы в первую очередь высказаться тех товарищей, которые сейчас ознакомились с теми документами и возможностями, которые имеются, чтобы они сказали о своей работе.

Эфрос: Харькова совсем нет?

Эренбург: Есть, Харьков представлен одним документом, который напечатан в журнале «Знамя» — рассказ спасшейся женщины. Есть описание Тракторного завода¹, но так, как оно сделано на сегодня, его помещать не нужно.

У нас есть единственный документ, только в переводе, это приказ и отчет 15-го немецкого полицейского полка, действовавшего в Западной Белоруссии, в Пинске² и окружающем районе. Один этот документ напечатан в Пинске в журнале. Подлинник этого документа находится в Чрезвычайной следственной комиссии³. Кроме этого, в ПУ РККА⁴ находится немецкий дневник, который я считаю потрясающим, его знает В. С. <Гроссман>. Воспроизводство этого документа воспрещено специальным указанием ПУ РККА, причина связана с тем, что автор попал в плен⁵. Он был дан в бюллетене, но было специальное указание не воспроизводить его. Несомненно, в Чрезвычайной следственной комиссии имеются и другие данные, я не думаю, что их было много. Это был приказ исключительно только об истреблении евреев 15-м полком, подробно описывался способ убийств в разных местах.

У меня лично есть приказ об уводе евреев в Ялте в гетто, где были убиты все евреи, находившиеся в Никитском ботаническом саду⁶. Приказ подписан рус-

¹ Вскоре после оккупации Харькова нацистами (24 октября 1941 г.) по приказу военного коменданта города всем евреям в двухдневный срок было приказано переселиться в район Харьковского тракторного завода, где в рабочих бараках, оставшихся после строительства, было организовано еврейское гетто. К середине декабря 1941 г. в гетто были переселены 10 060 евреев. Узников гетто расстреливали группами в урочище Дробицкий яр. К началу 1942 г. Харьковское гетто было полностью ликвидировано. В общей сложности в Харьковской области были уничтожены 12 000 евреев (Альтман, 2002: 292).

² В ГАРФ(а) слова «отчет 15-го немецкого полицейского полка, действовавшего в Западной Белоруссии, в Пинске» подчеркнуты и выделены на полях.

³ Имеется в виду Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.

⁴ Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (ПУ РККА).

⁵ В ГАРФ(а) слова «с тем, что автор попал в плен» подчеркнуты.

⁶ В ГАРФ(а) слова «евреи, находившиеся в Никитском ботаническом саду» подчеркнуты, весь абзац выделен на полях.

ским, который состоит сейчас начальником ботанического сада¹. У меня больше приказов не было.

Сейчас, поскольку эта комиссия сформирована, санкционирована, нужно восстановить демарш²: вопрос о документах первого немецкого полка, о возможности их переснятия для этой книги, возможности получения других данных. Я предложил бы поручить это дело вновь, однажды это не удалось, тов<арищу> Трайнину³ как самому компетентному человеку. Эту историю нам необходимо получить, фотографический материал мы должны обязательно дать, и этот материал имеет самого разнообразного характера: две фотографии Ковенского гетто, их снимал ковенский фотограф, который спасся. Есть альбом немецкого офицера Фрица Левина, в котором есть страница, озаглавленная «Юдэ», на ней помещены снимки живых людей, и потом они сняты мертвыми⁴.

Трайнин: Есть фактический материал, о котором вы говорили: описания спасшихся лиц, описание всех событий — это материал одного типа, и другой материал, совершенно самостоятельный: приказы, распоряжения, вся та документация, которая оставлена немцами — это самостоятельный материал, самостоятельная тема. Чрезвычайно важно дать не только фактическую картину, а чрезвычайно важно для ее политической оценки указать, в каком порядке это делалось — это не эксцесс, все это делалось в приказном порядке. С Чрезвычайной комиссией можно поговорить — конкретная просьба будет исполнена, но для того, чтобы этот материал был достаточно полным, нужно, чтобы Чрезвычайная Комиссия обеспечила это, чтобы материал был собран в одном месте. Это было бы чрезвычайно важно.

¹ Ялта была оккупирована 8 ноября 1941 г., вскоре по требованию немецких властей в городе был создан еврейский комитет, правление которого находилось на углу улиц Аутской и Морской. Всем евреям под угрозой расстрела было приказано зарегистрироваться в ялтинском еврейском комитете, нашить на одежду шестиконечные звезды и не позднее 2 декабря переселиться в бывшие помещения рабфака Сельскохозяйственного института, расположенные на окраине между городом и поселком Массандра (Массандровские казармы). Приказ был подписан профессором Михаилом Федоровичем Щербаковым, который в период оккупации руководил Никитским ботаническим садом (Тяглый, 2005: 80–84). 17 и 18 декабря 1941 г. все узники Ялтинского гетто, в котором, по разным оценкам, находилось от 800 до 1800 человек (Альтман, 2002: 97), были расстреляны у обрыва над морем в районе местечка Отрада. Очерк «Ялта» подготовил для «Черной книги» Эренбург, в нем не упоминается о приказе (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 304).

² В документе опечатка: восстановить Дюмарше.

³ Трайнин Илья Павлович (1886/1887–1949) — правовед, общественный деятель, юрист, академик АН СССР. В 1942–1947 гг. — директор Института права АН СССР. Член Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, сотрудничал с ЕАК, подготовил для «Черной книги» очерк «Расовая политика гитлеризма и антисемитизм» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 683–686).

⁴ В ГАРФ(а) слова «две фотографии Ковенского гетто, их снимал ковенский фотограф, который спасся. Есть альбом немецкого офицера Фрица Левина, в котором есть страница» подчеркнуты. Последнее предложение абзаца выделено на полях. Фотографии, о которых упоминает Эренбург, опубликованы под № 15–21 в изд.: Гроссман, Эренбург (ред.), 2015.

Эренбург: Я не думаю, что этих материалов будет много. Приказы, как это ни странно, не были письменными, начиная с 1941 года немцы знали о необходимости массового уничтожения. Приказов, исходящих из центра, о поголовном убийстве евреев нет в наших руках, в этом я убежден. Допускаю, что в том или ином городе имеются приказы об организации гестапо. Мне кажется, что нужно воспользоваться тем, что есть в Чрезвычайной комиссии. Бумаги 15-го немецкого полицейского полка они считают исключительными и самыми обвинительными. Они дали переводы не всех документов. В трех документах идет речь о евреях.] Есть область, которую мы не затрагиваем в рассказах спасшихся и которую можно установить. Мне кажется, что хорошо было бы выполнить эту работу. Эта сторона выполнения тех акций и убийств более общего порядка и, в частности, показания лиц, которые этим занимались: будь это немцы, наши полицаи или евреи, которые работали подневольно. [Есть показания минского автослесаря, который ремонтировал душегубки для уничтожения евреев. Я этого автослесаря сам видел. Есть показания банных команд Собибора и Трешлинка — они входят в общую картину как спасшиеся¹.

Я бы хотел, чтобы здесь, отрешившись от человеческих материалов, взяли сторону самого преступления, метода организации — основы всего материала, который есть, включая те немецкие приказы, которые имеются, без выводов, без пропаганды, само по себе описание юридическое и фактическое, которые могли бы быть незаменимыми в этой книге.

Мы вам дали все, что у нас есть, остальное нужно просить в следственной комиссии ПУ РККА. Есть еще одна немецкая организация — «СМЕРЖ» — контрразведка².

Трайнин: Использование евреев в роли пособников палача — эти материалы выходят за пределы.

Эренбург: Описание техники выполнения: гестапо, СД³ держали всюду свои команды, которые состояли из евреев.

¹ В ГАРФ(а) последние два предложения выделены на полях.

² Так в тексте. Смерш — обобщенное название ряда контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны. В Третьем рейхе орган военной разведки и контрразведки — Абвер (нем. Abwehr).

³ Гестапо (нем. Geheime Staatspolizei, Gestapo) — политическая полиция Третьего рейха. Входило в состав Министерства внутренних дел Германии, а с 1939 г. — Главного управления имперской безопасности (РСХА), контролировалось Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП) и СС (нем. Schutzstaffeln, SS) — охранными отрядами НСДАП. С 1929 г. СС возглавлял Генрих Гиммлер, создавший в рамках СС Службу безопасности (Sicherheitsdienst; SD) и Службу безопасности рейхсфюрера СС. На оккупированных территориях СССР отделения СД объединялись с отделениями полиции безопасности, важнейшей интегрированной частью которых было гестапо. Гестапо, СС и СД принимали непосредственное участие в уничтожении евреев, признаны Международным военным трибуналом преступными организациями.

Трайнин: Эта тема — это приказы и их правовой анализ. Председатель Объединенной комиссии Ферет¹ высказал, что убийство целых наций не подлежит уголовной ответственности. Использование самих евреев в качестве орудий убийств?

Эренбург: Я хотел сказать, что их признания, как признания русских исполнителей, открывают механизм, может быть, юридически они не являются полноценными свидетелями.] Речь идет о том, чтобы воспроизвести систему, начиная с заявления Гитлера, что как бы ни кончилась война, в Европе не останется живого еврея. [Меня интересует не роль еврея и роль полицая, которые я хочу свести к минимальным размерам в книге, меня интересует, что люди, которые жили в СД, знают хорошо механизм. Это чрезвычайно однородно, это² потрясает однородностью в разных городах и разных местах, за исключением 1941 года, который был хаотичным.

Трайнин: Эта тема близка к моим возможностям, вы учитываете мой уклон. Не знаю, как мне удастся ее выполнить, но она мне близка. Я беру этот материал, я поговорю с Чрезвычайной комиссией и в других местах. Если у товарищей по комиссии имеются эти материалы, то нужно этот материал сконцентрировать.

Эренбург: Приказ 15-го полицейского полка и дневник немца находятся в ПУ РККА — они поймут, в чем дело, если им напомнить одно: что их запрещено публиковать. У меня имеется только справка одного порядка в дневнике немецкого офицера в подлиннике: есть сообщение о разведении тифозных вшей на евреях, это сделано врачом, который прививал тифозную сыворотку, — это записал старший лейтенант в своем дневнике³.

При приходе немцев в город первый приказ, который вывешивался, обязывал евреев носить повязки — у меня такой приказ есть. Приказы о создании гетто и различные запрещения — у нас есть точные тексты. Потом газеты, достаточно просмотреть печать, выходящую при немцах, которая имеется в ПУ РККА. Я сам видел приказы о всех мерах: создание еврейских советов, еврейских старшин, наложение на евреев контрибуций. Скрыты моменты убийства⁴.

Есть приказ во французской печати о сборе и отправке евреев в Польшу для работ. Этими документами вы будете широко снабжены — документами до убийств.]

¹ Неустановленное лицо.

² В ГАРФ(а) слова «это чрезвычайно однородно, это» и два предыдущих предложения выделены на полях.

³ В ГАРФ(а) все предложение выделено на полях.

⁴ В ГАРФ(а) весь абзац выделен на полях, слова «повязки — у меня такой приказ есть. Приказы о создании гетто и различные запрещения — у нас есть точные тексты» подчеркнуты.

Гроссман: Можно использовать такой документ, я выкопал его из земли в Треблинке: протокол о специальных нормах для евреев, о звездочках, у меня есть номера, еврейские номера гетто различных видов, <№> 1 200 000, еврейские паспорта — [все это представляет интерес.

Трайнин: Это ценный материал.

Эренбург: О фотодокументации будем потом говорить. Сейчас идет речь о создании.

Гроссман: Политика немцев в отношении евреев на Востоке.

Эренбург: Показания пленных — это свидетельский материал.

Трайнин: Я не хочу засушить, когда говорят, что в причинении смерти нет убийства.

Эренбург: Давайте условимся твердо, что мы этих квакеров убеждать не будем. В нашей печати совершенно естественно имеется пропаганда по отношению к каждому союзнику, что эти зверства были и т. д., и т. д. Достоинство этой книги должно быть следующим: мы абсолютно не хотим убеждать, здесь нет никаких доводов, что так делать нельзя, здесь должен быть воссоздан памятник происшедшего, здесь не должна быть раскрыта полемика.

Трайнин: Без этого не будет общей части.

Инбер: В материалах, которые я получила, есть документ Харитонов¹.

Эренбург: Это русский, который был все время там, который возмущен фашистами, он собирал для меня приказы и газеты — архив, который держит у себя, и просит дать возможность ему переотправить это, не желая подвергнуть это риску случайной посылки. Я ему написал и поблагодарил.

Инбер: Есть еще одно очень острое место, связанное с Одессой, — это румыны, как о них писать?

Эренбург: Мы с юридической частью покончили. Насчет пленных — это будет кардинальной частью. Документы дадут прекрасную картину того, что было

¹ Многие документы, касающиеся уничтожения евреев Одессы, сохранились в архиве Ильи Эренбурга в Яд ва-Шем, в том числе коллекция оккупационной прессы и других материалов, собранных Харитоновым.

до заключения в гетто. Дальше вы должны приводить показания свидетелей. Вы не можете ссылаться на показания спасшихся или русских свидетелей. Я бы выделил показания исполнителей этого дела, которые рассказывают, что происходило. Если вы это отметете как недостаточно веское, то у вас ничего не выйдет.

Трайнин: Этот материал должен быть сделан с большим отбором, это не наши люди — это пленные.

Эфрос: Это войдет в статью.

Эренбург: Дневников у нас нет, я читал только один, посвященный одной акции в западной Белоруссии. Есть другие дневники, немецкие, где написано так: число расстрелянных — 500 евреев. Я не думаю, чтобы статья А. Н. <Толстого>¹ отличалась своей структурой от статьи...

Это подбор материалов, мы все заняты монтажом: как подобрать материал, как связать его. Мы должны дать освещение, что Гитлер сказал, что не должно быть ни одного еврея. Так как эти статьи являются работой компилятивной, сводящими все эти материалы в одно, то все эти материалы будут приведены полностью и больше они не должны быть воспроизведены. Единственный дневник — это полторы страницы на машинке, а остальные — по три-пять строчек, где среди всяких продовольственных этапов попадаются чудовищные записи, я видел оригинал этих дневников, в котором мимоходом сказано: расстреляли 500 евреев. Если вы возьмете, что говорят палачи, то мы к этому материалу возвращаться не будем, за исключением общих очерков, которых нужно коснуться в данном городе. На этом мы закончим. Предлагаю всем товарищам высказаться по поводу их работ.

Инбер: Я ознакомилась с тем, что вы прислали, там очень много материалов. Единственное, что меня смущает, там новые названия улиц, я не знаю, что это за улицы, нужно иметь план города. Я уехала оттуда в 1922 году. Там есть знакомые люди — доктор Адесман, который лечил моего отца.

Я представляю, что это будет монтаж с прослойками акцентирующими, усиливающими, ничего придумывать не нужно. Было бы хорошо иметь архив Харитонова. Там есть Адесман² и этот мальчик³, который пишет поэму, интересную

¹ Вероятно, речь идет о статье, рассказывающей об уничтожении еврейского населения Северного Кавказа и Ставропольского края (см.: Толстой А. Н. Коричневый дурман // Красная звезда. № 183. 5 августа 1943. С. 2). В стенограмме еще в двух местах упоминаются инициалы А. Н., в том числе в качестве прямого обращения.

² Речь об одесском враче Израиле Борисовиче Адесмане, воспоминания которого записала жена и тоже врач — Рахиль Иосифовна Гольденталь. В. Инбер упоминает Адесмана в очерке «Одесса»: Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 95.

³ Вероятно, речь о Льве Рожецком, ученике 7-го класса 47-й школы Одессы, который в своих очерках описал быт лагерей смерти. В. Инбер упоминает о нем в очерке «Одесса». См.: Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 95.

не своими поэтическими достоинствами. У меня все обстоит благополучно, но меня волнуют румыны — это единственный город, где они были наравне с немцами и были до немцев — теперь они наши союзники.

Эренбург: Мы должны называть их. Поскольку мы будем судить и взяли за зверства под стражу ряд руководящих румын — маскировка их роли невозможна. Среди документов, которые вам даны, есть документы, которые говорят о роли немцев. У вас документальные материалы большие: у вас есть список врачей, потом материалы одной женщины, которая рассказала, как она спаслась, как тетя пришла за племянницей, которую насиловали.

Дату 1/XI — вы считаете для себя приемлемой?

Инбер: Мне трудно, мне нужно дать ленинградский материал.

Эренбург: Какой размер — лист, полтора листа?

Инбер: В одном письме есть зачеркнутые места — это цензура?

Эренбург: Это не цензура, потому что письмо шло не по почте.

Инбер: Значит, о румынах можно. Размер будет лист или полтора.]

Гроссман: Платонов сказал, что с полученным материалом он ознакомился, что материал производит впечатление ценного, что, по его мнению, материал настолько богат, что дополнять от автора нет нужды, он нуждается в небольшой литературной правке и что это он берет на себя и выполнит. [О сроках он не говорил.]

Поступивший материал о Бердичеве очень слабенький. Есть отдельные материалы разных городов, в чем качество всех этих материалов? Во всех этих материалах идет речь о людях спасшихся, все рассказы строятся на том, как человек спасся. [Все те материалы, которые имеются у нас, — это все рассказы чудом спасшихся людей,] но нам необходимо взять на себя еще одну задачу — говорить от имени тех, кто лежит в земле и не может ничего сказать. Нам нужно осветить то, что произошло с 99 процентами тех, кого вели к Бабьему Яру, а не того, что произошло с пятью, которые убежали из Бабьего Яра. Все эти материалы односторонние, и наша задача заключается не только в литературной правке, а нам нужно дать картину, происшедшую с теми, кто молчит и кто теперь уже ничего не может сказать. [Все эти материалы были бы хороши в качестве добавления к нашей сжатой, но объемлющей картине.]

О Бабьем Яре девочка говорит: «Зачем мне сыпят песок в глаза?», но это еще не картина истребления евреев в Киеве. Тот материал, который есть у В. М. <Инбер>, — тут нужно объять все.

[**Эренбург:** Вы видели материал, который является индивидуальным материалом или заметками, не вошедшими в общий. Вам дали мой одесский материал? Вы видели материалы, обработанные мною для американского издания. Киев вставлен, потому что этой чертой я пометил тому, кто будет обрабатывать Киев. О Бердичеве мало материала. Вы получили материал спасшегося юноши, если у вас есть личные записи плюс эти детали — вы можете это сделать.

Я остановился на спасшихся, которых спасли русские, — эти случаи нужно показывать и доводить. Спасшиеся случайно или их судьба — это имеет третьестепенный интерес в общей картине.]

Гроссман: В материалах о Бердичеве страшное несоответствие космического бедствия с вылетом воробышка, которого спасли.

[**Эренбург:** Сможете вы сделать Бердичев не на основе этих документов, а на основе своих данных?

Гроссман: Сделать я смогу, потому что я специально ездил и подробно разговаривал с людьми, общую картину того, что было, я смогу написать. Письмо юноши очень легковесное и засорено общими словами.

Эренбург: А ваша Треблинка?

Гроссман: Нам известно, что в Польше гитлеровцами уничтожались евреи в пяти лагерях. Может быть, предпослать этому, если Симонов опишет люблинский, и моя статья о Треблинке. Есть данные, что Гиммлер приезжал в 1942 году в Варшаву и дал распоряжение об истреблении евреев в Польше, и после этого началось строительство этих лагерей и они начали функционировать. Если бы предпослать справку.

Эренбург: Это вещь спорная, в этих лагерях, в Белжеце, Собиборе очень большую роль играли западноевропейские евреи. Западные европейские евреи были убиты не только на польских фабриках смерти — это были большие партии. 3500 евреев писали «МЫ здесь ждем смерти» — это показывает размеры, они были привезены из Франции. Есть косвенные документы, что в Белжеце были евреи из Львова, там есть указание о большом количестве западноевропейских евреев. В Собиборе было много голландцев. В Минске были гамбургцы. Брать это

в плане истребления населения в Польше очень трудно. А. Н. <Толстой> должен коснуться этих грандиозных фабрик смерти с концентрацией Запада. Эти объединенные рассказы мы поставим вместе — все, что есть о лагерях уничтожения.

Мы должны указать, что это первый том, и указать сроки, когда дадим материал, а также укажем, что во втором томе будет дан Киев, чтобы читатель понимал, что это часть работы, которая выполнена.

Гроссман: Тогда мы заезжаем в Европу.

Эренбург: Европу привезли к нам. Мы не берем в первом томе судьбу венгерских, румынских евреев, мы берем места на советской территории. Если это советские евреи — мы будем писать, а если французские евреи — мы не будем писать, нужно брать задачу не убийства евреев в мире, а убийства евреев на советской территории. Треблинка и Майданек — два места, где были убиваемы советские граждане. Административные убийства у немцев происходили иначе. У них совершенно другое административное деление, у них границы дальше на Восток.

Гроссман: А<лексей> Н<иколаевич>, я в люблинском замке взял огромные анкеты заключенных, которые еще не были заполнены. У меня есть официальные акты, акты о раскопках могил.

Эренбург: О Собиборе — у меня есть список немцев.

Гроссман: Я хотел сказать о сроке: я к 1 ноября Бердичев не смогу сделать. Может быть, к десятому числу?

Эренбург: Нам нужно сделать такую вещь: материалы, которые мы напишем, мы должны показать друг другу, нужно посмотреть книгу в целом, если мы это сделаем до праздников, то 20/XI сможем эту книгу начать проталкивать. Товарищи, самое трудное будет потом — для того чтобы протолкнуть ее. Поэтому я думаю, что это нужно ускорить. Поставим общую границу до праздников, а потом придется эту вещь читать.

Эфрос: У меня разнородный материал, есть материал сомнительный: рассказ женщины из маленького местечка, чем это интересно, женщина крестила ребенка. Конкретная жизненная действительность показывает все. Женщина дружила с полицией, она шла на все — это нуждается в обработке.

Эренбург: Не в моральной обработке.

Эфрос: Я сделаю так, как мне покажется нужным. Этот материал изумительно рисует картину всего, это замечательный материал, но небольшой: он занимает ½ листа. Что делать с Барановичами¹: есть только «Крылья Советов» и очень небольшая газетная статья, о Каменец-Подольске² — это маленький кусочек, там имеется «Мать и девочка». Письмо написал человек, который просит мстить за погибших. Тут нужно — человек Горы³ описывает...

Эренбург: В отношении Горы я знаю два места, где происходили митинги, устроенные частями Красной армии, где было сказано, что здесь убиты евреи — нужно мстить. Эти два случая должны быть отмечены — понятно почему. О Горах: человек, который писал, — это журналист, он производит впечатление честного, он рассказывает о жизни местечка до этого. То, что написано им, можно печатать, можно из этой беллетристики и агитации сделать, нужно начать с митинга у могил⁴.

Эфрос: Этот срок меня устраивает. У нас есть целый ряд фрагментов в пять-шесть строк, о Кисловодске рассказывают, что женщин клали головой на камень и убивали.

Эренбург: Есть необработанный мною материал, он незначительный, о Ессентуках — это будет кому-то дано, кто-то возьмет Кавказ, все это нужно сдавать Глезер⁵.

Если Суцкевер не даст материал, то нужно это отложить до второго тома.

¹ Барановичи — город в Белоруссии, был оккупирован немецкими войсками 27 июня 1941 г. Все еврейское население города и близлежащих районов было переселено в гетто, общая численность которого составила более 15 000 (Смиловицкий, 2000: 161). К декабрю 1941 г. территория гетто была обнесена забором из колючей проволоки. Убийства евреев в Барановичах начались с первых месяцев оккупации, 17 декабря 1942 г. Барановичское гетто было полностью уничтожено, порядка 450 евреев смогли бежать, однако многие из них были впоследствии пойманы и расстреляны. До освобождения дожили 250 евреев (Альтман, 2009: 52).

² Каменец-Подольск (ныне — Каменец-Подольский) — город в Хмельницкой области Украины, оккупирован немецкими войсками 10 июля 1941 г., спустя десять дней в городе создано гетто, которое стало первым на оккупированной территории СССР местом депортации и уничтожения евреев из других стран. К концу июля сюда были привезены 11 000 евреев из Венгрии — беженцев из Чехословакии и Польши (Альтман, 2002: 83). В Каменец-Подольске была проведена самая массовая акция уничтожения на территории СССР летом 1941 г. В конце августа численность узников сократилась на 23 600 человек. Среди них — почти все зарубежные евреи. Еще 4500 узников (включая 500 детей) были ликвидированы в начале 1942 г. (Альтман, 2002: 289). К февралю 1943 г. все евреи в Каменец-Подольском были уничтожены.

³ Горы — районный центр Могилевской области Белоруссии. В октябре 1941 г. на территории льнозавода казнено 300 евреев (Альтман, 2009: 235). Очерк «В местечке Горы» опубликован в «Черной книге» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 214) с указанием, что текст подготовил к печати Эренбург, тогда как в архивной машинописи (ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 81. Л. 139–140) указано: «Подготовил к печати Вас. Гроссман».

⁴ В ГАРФ(а) последние два предложения абзаца выделены на полях.

⁵ В тексте везде: Глязер. Вероятно, имеется в виду Глезер Раиса Владимировна (1918–1985) — советский музыковед, окончила Оренбургский музыкальный техникум и Московскую консерваторию, училась на историко-теоретическом факультете и в аспирантуре Института истории искусств АН СССР. С 1943 г. жила в Москве. В фонде ЕАК сохранилось несколько статей ее авторства на музыкальные темы. Помогала с обработкой материалов для «Черной книги».

Гроссман: Нельзя ли давать по десять строчек о разных местах?]

Эренбург: Я получил следующее письмо: всех убили, а папу немцы оставили на два дня, чтобы немцу пошили костюм, но папа повесился. У меня есть 30 писем, письмо человека, у которого жена скрывала, что убиты дети. Стоят эти письма отделки — это другой вопрос, но если человеческий документ имеет большое значение, он должен идти отдельно. [Скажем, что это портной был из Харькова, я бы не соединил с тракторным заводом или с посмертным письмом, найденным в Белейковской области¹.] Письмо пишет мать мужу — его нужно дать отдельно, — девочка пишет: «Папа, очень хочется жить, но не дают, страшно умирать, потому что детей бросают в яму. Крепко целую. Юнита»². Это письмо нужно давать отдельно.

[**Эфрос:** Этот материал представляет огромную драгоценность — это ваш архив, его трогать нельзя.

Эренбург: Я считаю важным первые документы, я собрал в папку.

Эфрос: Первый том будет читать любой. Будет предисловие, где будут освещены эти вопросы? Можно дать статистику.

Эренбург: Статистикой мы не можем установить число убитых, в одном месте оно колеблется от 600 000 до 2 000 000. Статистика абсолютно лишает достоверности,] в книге нужно сказать, что были убийства народа в целом. Немцы убивали большое количество других людей, но здесь было проведено поголовное убийство. В предисловии мы скажем о моральном и политическом значении — это будет сказано очень кратко.

Гроссман: Когда я читал материал, вами обработанный, мне бросилось в глаза слишком частое употребление слова «еврей». Если в маленькой заметке пишут «еврея отвели» — это закон, но если книга целиком говорит об евреях, то нужно избегать слова «еврей». У нас будет 6000 раз это слово повторяться — это вызывает раздражение. Можно писать: «людей собрали» или «люди пошли на площадь», «упало пять человек», а не писать слово «еврей».

Эренбург: Дело в том, что, когда человек пишет, что случилось, то он пишет,

¹ Так в тексте. Правильно: Барановичской области.

² Письмо, о котором упоминает Эренбург, было найдено майором Владимиром Демидовым в местечке Бытень Барановичской области, оно написано перед смертью Златой Вишнятской и двенадцатилетней Юнитой — мужу и отцу. Было включено в «Черную книгу» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 255). В деревне Бытень (ныне Брестской области) 25 июля 1942 г., по данным ЧГК, расстреляны 980 человек (Альтман, 2009: 123).

что всех евреев обязали носить повязки, потом повели на базар или в гетто, когда человек это рассказывает, он не может не сказать слово «еврей». Другое дело, если идет описание Одессы — здесь человек не будет писать каждый раз слово «еврей», он будет писать по-разному, но документ, который описывает эти случаи, в нем повторение четыре-пять раз слова «еврей» неустранимо. Если сказать: «людей загнали в гетто», это неправдоподобно. Я не вычеркивал это, я <не> вычеркивал термин «полицай». В «полицаяе» предполагают не немца, а предателя. Установка, кто был точно данный полицай, будет носить тяжелый характер. Я не вычеркивал слово «еврей», я зачеркивал слово «украинец» и писал «полицай». Нужно брать этот термин, слово «полицай» вошло в разговорный язык и в печать, и никто на эти случаи не может обидеться.

Эфрос: Не было евреев-полицаев, их не нужно так называть.

Эренбург: Это не полицай, у них не было оружия, это были люди, которые следили за тем, чтобы выходили на работу. Их нельзя называть полицаями.

[Гроссман: И<лья> Г<ригорьевич>, в тех случаях, которые вы приводите, это необходимо, но там, где нужно это, можно заменить.

Эренбург: Это вопрос стиля, а не политический вопрос. Когда я говорю, чтобы заменять слово «украинец» словом «полицай», об этом не нужно спорить, в этом есть какая-то идея. Вы говорите, что не нужно повторять слово «еврей», — я не вижу здесь ничего принципиального.

Гроссман: Мне кажется, что вообще нужно избегать полностью слово «полицай», это не нужно выставлять в комнатной температуре, нужно сказать: «подлец», «предатель», «убийца», «Иуда» — это придает какой-то накал, это имеет значение с точки зрения агитации.

Эренбург: В случаях предательства мы писать должны как общий фон. Есть описания потрясающие — Хмельника¹ — там перечислены все предатели. Этот материал очень ценный, сам по себе документальный, у меня из имен предателей

¹ Так в тексте. Правильно: Хмельник. Хмельник — административный центр Хмельницкого района Винницкой области Украины, был оккупирован немецкими войсками с 13 июля 1941-го до 18 марта 1944 г. Евреи города были переселены в гетто, осенью 1941 г. в гетто вселили евреев из окрестных населенных пунктов, а также депортированных румынами из Бессарабии и Буковины. Самая масштабная акция уничтожения евреев гетто состоялась утром 9 января 1942 г.: гетто было окружено, узников стали сгонять к Угриновскому мосту. За городом было казнено 5800 человек (Альтман, 2009: 1033). Гетто было полностью ликвидировано 3 марта 1943 г. В акциях уничтожения узников принимали участие эсэсовцы, полицайи из числа местных жителей и прибывших из Литвы. Об уничтожении евреев в Хмельнике Эренбургу написала Блюма Исааковна Бронфин (Альтман (сост.), 2015: 79).

остались только три-четыре наиболее крупных, выпирающих случая. Если бы сохранились все, что были, — это было бы прочтено, это производит страшное впечатление несмотря на то, что по существу эта женщина описывает, что ее ребенка спасли. Тут нужно иметь такт. Я предложил формулу «полицай» для того, чтобы не писать «Иуда», — это есть предатель.

Гроссман: Тут не нужно целомудрия.

Эренбург: В книге это и остается. Я бы хотел каждый раз, когда это написано, чтобы человек мог драться за то, чтобы это осталось, чтобы мы могли защищать, говорить, что это необходимо.]

У меня было два крупных разговора, я могу сказать, как аргументировал необходимость, нужно показать, что евреи были в тяжелом положении. Я оставил в тексте такую вещь: «Некуда пойти, ни в один дом не пустят, дома заперты». Меня попросили убрать, я согласился, потому что это не составляло тему — вопрос о Голландии, но я добился, что детали, которые передают обреченность, чтобы они остались. [Я вычеркивал по принципу в смысле имен и наций из писем, я вычеркнул 50–40, а может быть, из 45, и после этого мне пришлось в документе пожертвовать. Мне удалось установить, что формула «полицай» довольно приемлема, или «предатель» — каждый понимает из тех, кто даже не знает. На всей территории, где были немцы, слово это известно. Я давал в переводе этой книги, слово «полицай» идет в кавычках, потому что «полицай» — это термин, это квислинги¹, это предатели.

Суцкевер: У меня есть работа о Понарах², есть все немецкие законы, кто они, кто они были раньше, что они сделали. Всего документов немного, но есть. Как они расстреливали евреев, очень много документов о евреях, которые спаслись,

¹ Квислинг Видкун (1887–1945) — норвежский политический и государственный деятель, офицер, дипломат, национал-социалист, в апреле 1940 г. после оккупации Норвегии германскими войсками сначала попытался захватить власть в стране путем государственного переворота, однако созданное им правительство было распущено оккупационными властями. В 1942–1945 гг. возглавлял норвежское коллаборационистское правительство, которое принимало участие в депортации норвежских евреев в лагеря уничтожения. В мае 1945 г. арестован, предстал перед судом, признан виновным в государственной измене, был расстрелян 24 октября 1945 г. в Осло. Слово «квислинг» стало нарицательным, синонимом «предателя», «коллаборациониста».

² Понары (ныне — Панеряй) — поселок, расположенный в 10 километрах к югу от Вильнюса, одно из основных мест массового уничтожения евреев нацистами в Литве. В период с лета 1941-го по июль 1944 г. в Понарах на территории недостроенной советскими властями в 1940–1941 гг. нефтебазы, в неиспользованных котлованах, предназначенных для цистерн с горючим, были расстреляны около 70 000 человек (Лакёр, 2005: 106), в большинстве евреев (узников Вильнюсского гетто, жителей окрестных районов, депортированных из других стран), а также советских военнопленных и участников антинацистского сопротивления. В «Черную книгу» были включены материалы об уничтожении евреев Литвы, в том числе о судьбе узников Вильнюсского гетто и Понарах, подготовленные А. Суцкевером (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 319–377).

о том, как жгли евреев. Я написал 80 страниц на еврейском языке, мне нужно десять дней, чтобы обработать. Это Виленское гетто, сама жизнь гетто.

Эренбург: Организация сопротивления есть?

Суцкевер: Нет.

Эренбург: Тогда это отпадает.

Суцкевер: Сопротивление займет три листа.

Эренбург: У вас в общем семь листов, мы должны будем сократить пропорционально всей книге. Книга должна иметь 20–25 листов.

Суцкевер: У меня есть, как я пережил все немецкие распоряжения, — это очень страшно в первые дни.

Эренбург: Мы должны взять пять листов, посвященные Вильно, из книги Суцкевера.

Суцкевер: Я дам о сопротивлении в гетто отдельно.

Эренбург: Остальное вы должны дать к 1/XI.

Дерман: У меня материал очень скудный. У вас есть материал о Хмельниках, а у меня часть материала. Тот материал, который есть у меня, скуден, есть отдельные моменты.

Эренбург: Письмо женщины-врача настолько закончено, я вообще против географического. Это идея не моя. Объединения такого порядка не нужны по области. Здесь вопрос о документах, которые находятся у вас: являются ли они сами по себе ценными?

Дерман: Если Винница представлена только тем материалом, который у меня, тогда это нужно отложить на второй том. Это будет полное несоответствие.

Эренбург: Тут вопрос идет только об этих местах. Есть исчерпывающий материал о Хмельниках, есть написанный Гехманом¹ исчерпывающий материал

¹ Гехман Ефим Семенович (Шулемович, 1913–1978) — журналист и публицист, родился в городе Браилове в Винницкой области Украины. В предвоенное время работал в газетах «Гудок» и «Труд». В годы войны был корреспондентом газеты «Красная звезда». Подготовил для «Черной книги» очерки «Браилов» и «Рига» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 63–71, 467–490).

о Браилове — это тоже Винницкая область. Объединить это вместе? Я бы оставил так, как у Гехмана. Если материал, который у вас, не является ценным, то вам нужно дать другой, а это оставить.

Дерман: Там мало конкретного, целого. Он был бы конкретнее, если бы был опубликован материал.

Я хотел сказать о книге в целом. Я думаю, что есть возможность подготовить книгу к сроку, который вы установили. Когда все материалы будут перед вами, тогда я боюсь, что получится много однородного. У меня есть материал, есть эпизоды, которые составили бы великолепный сборник, если бы он появился в первый раз, но он повторяет в значительной степени то, что уже было в газетах и широко известно.

Все знают Зою Космодемьянскую, здесь — еврейская девушка Люся Сапожникова. Тут происходит какая вещь? Повторяется самый эпизод, тот, кто сообщает, он находится под впечатлением опубликованного материала, и он стилизует этот материал¹.

Я думаю, что если перед редактором будет все собрано, то ему придется провести большую работу, чтобы не было повторений, которые будут убийственными в такого рода книге.

Эренбург: Этот страх был высказан на первом заседании комиссии. Я читал материал дважды здесь собранию комитета, было более 150 человек. Я читал материал подряд, я очень подробно спрашивал людей с этой точки зрения: есть ли элементы повторения? Я многое отбираю и читаю — масса ценных материалов, которые вам переданы, мне казались в самостоятельном виде неценными. Я не включал в список самостоятельные письма для документа, который занимает около шести печатных листов. Я обрабатывал только индивидуальные рассказы и письма. Тот случай, который вы рассказали, я помню эту историю. Я прочитал в газете два случая. О красивой девушке Люсе Сапожниковой, как она крикнула немцам: «Стреляйте, Сталин этого не забудет». Второй случай, как везли женщину, и она с грузовика бросила живого ребенка, чтобы спасли его, а немец убил его, ударив о грузовик. Это рассказала украинская женщина. Мне показалось это настолько ценным, что я написал в эту газету, чтобы узнать название места и все, что об этом знают. В это время немцы заняли это местечко. Они прислали

¹ О судьбе девятнадцатилетней студентки Люси Сапожниковой рассказывается в небольшом очерке «В селе Цабулево» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 61), подготовленном к печати Эренбургом на основе статьи военного корреспондента Т. Старцева «Людоеды», опубликованной в газете «Знамя Родины». Перед казнью Л. Сапожникова выкрикивает: «Стреляйте, палачи! Но знайте, что Сталин придет!» В очерке П. А. Лидова «Таня», который был опубликован в «Правде» (№ 27, 27 января 1942 г.), З. Космодемьянская произносит аналогичные слова: «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!»

адрес той девушки, которая рассказала, и она сможет, когда войдут во второй раз в это местечко, дать исчерпывающие показания. Мне казалось, что, может быть, это вместе с другими документами можно дать. Стилизация происходит у людей, а не у газетчиков. Эту стилизацию мы должны поднимать, а не пренебрегать. То, что была Зоя Космодемьянская, это не значит, что не нужно эту девушку брать сюда. Если вы скажете, что в десяти местах это кричали, то и это будет взято. Можно установить документально или нет? Был ли такой крик — это сказать трудно. Украина говорит, что еврейская девушка кричала, что Сталин этого не забудет. Это дает характер пассивного сопротивления, которое мы должны подчеркивать.

Эфрос: Это естественно, что появляются такие вещи.

Дерман: Я в данном случае говорю на основе своего впечатления. Когда я вижу на фоне описание зверств — это производит впечатление, а когда весь фон такой — это не производит впечатления. Нужно давать по возможности больше документов, там может быть одно слово, и оно вносит жизнь.

Глезер: Я не предполагала, что из этих материалов можно давать обзор по целой области, мне казалось, что этот материал дает картину положения евреев в маленьких местечках, где жили эти люди, тесно связанные с русским населением родственными связями, ремеслом — это нужно дать как отдельные письма, не показывая города.

Эренбург: Мне кажется, что вы правы, что никакой компиляции мы не должны делать. Мы должны учитывать политическое воздействие книги. Есть письмо, полученное мною, подпись — «Герой Советского Союза, младший лейтенант Кравцов», я это письмо отложил, оно описательное, в нем он описывает свой приезд в родное место, где у него все оказались убитыми. Это может повторяться в сотнях случаев. Герой Советского Союза — этот человек воевал, он описывает, что он приехал к себе в местечко и каким он его застал. Может быть, этот документ и документы этих двух женщин оставить индивидуальными, такими, какими они были.]

Есть две системы: вы получаете письмо-рассказ, вы обрабатываете его, но оставляете то, что хотел сказать автор, сокращаете длинноты — эта работа, которую я делал с документами. Потом имеются документы такого порядка: документ не представляет большой ценности, но он создает картину — это другое дело.

Вы получили несколько документов, из них часть обработана мною и часть необработанная. Ваша совесть и отбор должны быть такими: если документ ин-

тересный — оставить его, если неинтересный сам по себе — отложить в сторону, посмотреть другой документ и их связать, может быть, по территориальному принципу.

[Что касается Винницкой области — есть два документа и Хмельники, которые имеются целиком в готовом материале. Не берите принцип обязательного объединения материалов. Посмотрите эти материалы и новые материалы, которые поступают каждый день из Еврейского комитета, и, может, у вас явится идея объединяющая, а если нет, то берите то, что может идти индивидуально. Письмо Кравцова.

Дерман: Письмо человека, который вошел в Румынию, — этот документ заслуживает того, чтобы его поместили.

Эренбург: Это нужно обработать индивидуально. Я предложил этот материал дать прочитать другим.

Глезер: Получилась такая вещь: давая в перепечатку, я ряд документов не прочла до конца. Те письма, которые я передала Дерману, я не знала, что они вами обработаны.

Суцкевер: Из Латвии есть документы.

Эренбург: Савич¹ обработал рассказ Семы Шпунгина, он долго возился с этим мальчиком. Мы его устроили в школу.

Маргулис²: Есть шесть крупных пунктов, о которых имеется распоряжение Комитета, совершенно достаточный материал, чтобы их обработать. У И. Г. <Эренбурга>, может быть, создано недостаточно ясное представление о том, что у нас имеется. Этот список далеко не полный, он незаконченный, в целом ряде — недостаточная аннотация. Если бы вы познакомились с материалом, вы переменили бы ваше мнение. В отношении шести пунктов можно сказать определенно, что товарищи, которые жалуются на недостаточность материала, могли бы этим воспользоваться. Эти пункты таковы: Минск, Львов, Шавли, Ковно, Вильно, Рига.

¹ Савич Овадий Герцевич (1896–1967) — прозаик и поэт, переводчик. В 1932–1936 гг. — корреспондент «Комсомольской правды» в Париже, в 1937–1939 гг. — корреспондент ТАСС в Испании. Во время войны работал в Совинформбюро. После войны занимался переводами. Подготовил пять очерков для «Черной книги», в том числе «Рассказ Семы Шпунгина» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 507–514).

² Маргулис А. — журналист, после освобождения Минска записывал свидетельства уцелевших узников. Его очерк «В Минском гетто. Из записок партизана Михаила Гричаника» не вошел в «Черную книгу» (Альтман (сост.), 2015: 179–186). Более подробных сведений о нем отыскать не удалось.

Эренбург: Какое количество времени нужно, чтобы перевести материал Шавли на русский язык?

Маргулис: О Шавли — это особый разговор.

Эренбург: По Минску и Вильно у нас имеется большой материал. Шавли — новый город, но Эпштейн сказал, что перевод Шавли должен занять месяц времени.

Маргулис: В отношении Шавлинского фонда — это летопись происшедшего в Шавли, описанного секретарем юденрата, который был там с первых дней вступления немцев. Из девяти тетрадей: одна тетрадь описывает события в Ковно, другая тетрадь — дневник, остальные тетради — летопись событий в Шавли — это документальный материал, другого материала нет. Тут есть все, что хотите, целый ряд материалов извлечены из листовок фашистских газет, немецких газет, частные письма, хроника, описание режима в лагерях, вы здесь имеете сведения о других городах.

Гроссман: Вы нас убедили.

Маргулис: Я составил подробное оглавление, которое занимает 12 строчек.

Гроссман: Если материал интересный, то его нужно использовать.

Маргулис: Вас, И. Г. <Эренбург>, интересовал момент, когда немцы стали приходить к мысли, что евреев нужно уничтожить, — это отразилось в заграничной прессе. В шавлинском материале вы видите нарастание событий. Есть извлечения из немецких газет.

Гроссман: Вы все прочли, вы знаете, что особенно важно. Давайте сделаем таким образом: тетрадь, которая особенно важна, — организовать с помощью Л. Л.¹ ее перевод, нужно взять трех-четыре человек, знающих язык, на это понадобится десять дней, и А. Б. Дерман, может быть, извлечет ценный, концентрированный материал, указав, что этот материал взят из книги, которая подготавливается. Почему не выпустить такой важный материал?

Маргулис: Наиболее важные места я могу сделать к 23-му числу, я полагаю, что это совершенно точно. После этого т<оварищ> Дерман в неделю обработает.

¹ Неустановленное лицо.

Эренбург: В каком порядке материал из Львова?

Маргулис: Это Нахт — студент политехникума, потом материал Герца, материал Эрнштрейха — бухгалтера, есть материал — хроника преступлений — фактический материал, где точно описано по месяцам и дням¹. Я подвел итог и убедился, что наиболее хорошо представлен Львов.

Гольдберг²: Есть материал о Симферополе.

Эренбург: Мы его дадим Сейфуллиной, потому что она дает Крым.

Гольдберг: Потом есть материал из Черновиц.

Фефер: Есть интересный материал по Молдавии, Кишинев, Балта, материал этот будет готов на еврейском языке завтра.

Эренбург: Кто-нибудь из вас не может материал по Молдавии взять на себя? У нас есть еврейские песни, которые пелись, — это трагический фольклор, и кто-то из еврейских поэтов должен взять их обработать.

С места: Это может сделать Добрушин³.

Квитко: У меня есть материал о Крыме.

Эренбург: Это будет делать Сейфуллина. Что касается Керчи, Феодосии, Симферополя — это у нее представлено эпизодично.

¹ Имена собственные как в тексте. Вероятно, речь идет о свидетельствах Нафтали Нахта, Лили Герц и Артура Розенштрауха, которые легли в основу очерка «Истребление евреев в Львове». Его подготовили к печати Р. И. Фраерман и Р. А. Ковнатор (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 120–131).

² Гольдберг Лейб (1892–1955) — публицист, журналист, переводчик, редактор. Родился в Брест-Литовске в семье учителя иврита и писателя Аарона Ноаха Гольдберга и Фанни Борейшо, один из его братьев — поэт М. Борейшо. Литературную деятельность начал в Варшаве, где в 1914 г. опубликовал переводы Л. Н. Толстого и Э. Ожешко на идише. После революции работал в Наркомате по еврейским делам, с 1923 г. — секретарь, а затем заместитель главного редактора газеты «Дер Эмес», до войны заведовал одноименным издательством. Работал в ЕАК старшим редактором, публиковался в «Эйникайт».

³ Добрушин Иехезкиль (Иезекииль) Моисеевич (1883–1953) — советский еврейский драматург, театральный и литературный критик, поэт, переводчик, педагог и фольклорист. Родился на Украине. В 1902–1909 гг. жил в Париже, где возглавлял местную организацию сионистов-социалистов и учился на факультете права в Сорбонне. После тяжелой болезни вернулся в Россию, до 1920 г. преимущественно жил в Киеве, а затем в Москве. Читал лекции в ряде высших учебных заведений. Поставил несколько спектаклей в Московском государственном еврейском театре (ГОСЕТ). С 1942 г. — сотрудник исторической комиссии ЕАК и член редколлегии газеты «Эйникайт». Арестован в феврале 1949 г., умер в ссылке в августе 1953 г.

Квитко: У меня были встречи с некоторыми людьми, и эти рассказы записаны.

Эренбург: Это еврейские колхозники Крыма?

Фефер: Я бы предложил дать Молдавию Гольдбергу.

Квитко: Рассказы этих людей — это фактический материал, это не может повторить Сейфуллину.

Эренбург: У нас остались Черновицы¹.

Квитко: Нужно собрать все, что у нас есть, и выделить центральное, тогда необходимо все остальное отложить в сторону. Может быть, взять Крым, потому что по Крыму вообще небольшой материал. Необходимо в Киев срочно послать человека — это более важно, и послать человека в Ковель — это можно сделать, у нас есть разрешение послать людей. Пусть имеющийся материал готовят к печати, а пока можно собрать материал о Киеве и Ковно.

Эренбург: Не возражаю против посылки людей в Киев и Ковно, но я возражаю против центрального.] У нас есть потрясающие документы человеческие из очень небольших мест, которые способны воздействовать на камень, — это письма и рассказы отдельных людей. Дело не в том, чтобы это был большой центр, где погибли 16 000 человек, а письмо касается 600 человек, но этот документ рисует истину.

Я должен сказать, что есть документы, посвященные описанию больших центров, я не знаю, как они будут приведены писателями, в каком виде они будут преподнесены, но они меньше дают, чем те записки посмертные, которые сами по себе являются документами. Я проверял их воздействие на многих, есть документы из маленьких мест. Был документ, о котором говорили, что он должен быть назван «Еврейская душа», который относился к маленькому местечку. Те, которые читали Гроссмана, говорили, что слово «хлопчик» — это раздирающий момент². Эмоциональное воздействие человеческого документа граничит с искусством.

¹ Черновицы (с 1944 г. — Черновцы) — город на юго-западе Украины, в 40 километрах к северу от румынской границы. 5 июля 1941 г. город был занят румынскими оккупационными войсками, воевавшими на стороне Германии. В городе было создано одно из самых многочисленных гетто в румынской зоне оккупации, где находились около 20 000 узников. Оно служило местом концентрации перед депортацией в Транснистрию (Альтман, 2002: 81).

² Предположительно, речь об эпизоде из повести «Народ бессмертен» В. С. Гроссмана (Глава XVIII «Леня»): «Мальчик вскочил.

— Кто увел, куда увели? — спрашивал он всхлипывая.

— Кто ж увел, известно, — сказала хозяйка и начала ругать немца: — Чтоб у него очи повылазили, чтоб он не дождался своих детей увидеть, чтоб их всех холера передушила, чтоб у него руки и ноги поотсыхали.

Потом она сказала:

— Ты не плачь, хлопчик, мы тебя не выгоним, останешься у нас, будем тебя годувать» (Гроссман, 1946: 112).

[Наше задание не в том состоит, чтобы подменять историческую работу и Чрезвычайную следственную комиссию, мы не можем дать статистику, исчерпывающую картину всего. Если это будет продолжаться в других местах после войны, в других политически-моральных условиях, мы будем говорить языком истории и языком литературного восстановления. Теперь нужно брать по принципу: имеет документ воздействие или нет — это должно быть единственным критерием. Это по существу ответ на вопрос.

Против посылки в Киев, если есть подходящий человек и есть возможность — нужно послать, если это дело откладывается, то Киев войдет во второй том. Дело в том, что, если мы в первом томе даем крупные центры, а во втором дадим маленькие места, если мы решим самое важное в первом томе, то у нас будет состояние спада во втором томе — это неверный принцип. Нужно помещать все то, что дает эмоцию. Если документ неинтересный, он может быть отложен, а если документ сам по себе относится к маленькому местечку, но звучит, он должен быть использован.

Есть случай, за который я дрался: женщина врач-акушерка отправилась в избу старосты, чтобы принять ребенка. Ощущение долга настоящего величия заставили ее пойти туда, откуда ее отвели на расстрел. Что же, мы этот материал не поместим, потому что он из местечка Полтавской области, а не из центра?]

Нам необходимо дать ряд спасений и солидарности населения не еврейского. Единственный случай, где спасли 30 человек сразу, я другого случая не знаю. В одной маленькой деревне спасали два года 30 человек — это нужно записать в первом томе. [Вы сказали, что нужно откинуть все кроме крупных центров.

Квитко: Как вы относитесь к актам?

Эренбург: Никакие акты, даже акты Чрезвычайной следственной комиссии, на меня не действуют. Я проверил действие актов. Тов<арищ> Гольдберг читал один акт, где были приведены фамилии с указанием возраста.

Я прочитал о случае, что у человека убиты в одном месте 48 родных. Я написал, не может ли он для «Черной книги» прислать список его родных. Если человек напишет, кто убит, — мы это укажем в одном месте.]

Мы привлекаем товарищей — русских писателей для звучания книги, чтобы книга не была составлена только евреями. Для того чтобы это звучало дружбой и солидарностью, нужно привлечь три русских писателя, иначе Платонов окажется в странном положении «шабес-гой»¹.

¹ Шабес-гой — выражение на идише, в буквальном переводе «субботний гой» — нееврей, нанятый иудеями в субботу (шабат) для выполнения работ, запрещенных религиозным законом.

[Я бы просил назвать кандидатуры. Симонов приедет с богатым югославским материалом, и он не сможет написать о Майданеке. Соболев¹ участвовать в первом томе не согласился.

Квитко: Для дружбы не нужно участвовать в первом томе.

Эренбург: Я бы хотел, чтобы три русских писателя приложили свои руки. Назовите фамилии.

С мест: Фадеев, Федин², Новиков. Хорошо было бы украинского писателя.

Эренбург: Из украинских — только Тычин³, но он не напишет.

Эфрос: Можно поговорить с Трневым, Всеволодом Ивановым⁴.

Эренбург: Больше вопросов нет].

¹ Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971) — писатель и журналист. С 1938 г. жил в Москве, во время Советско-финской войны работал военным корреспондентом, в годы Великой Отечественной войны — в Совинформбюро, публиковался в газете «Правда».

² Из трех предложенных кандидатур русских писателей в состав литературной комиссии входил только Константин Александрович Федин, он должен был подготовить для «Черной книги» очерк о восстании в Собиборе, но не сделал этого.

³ Тычина Павел Григорьевич (1891–1967) — советский украинский поэт, государственный деятель. В 1943–1948 гг. — народный комиссар просвещения Украинской ССР. Директор Института литературы Академии наук УССР. Был другом И. Г. Эренбурга. Хотя его кандидатура рассматривалась при формировании литературной комиссии, он не был в нее включен и не принимал участие в подготовке «Черной книги».

⁴ Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — прозаик, драматург и журналист. В годы войны был в эвакуации в Ташкенте, с 1943 г. — военный корреспондент «Красной звезды» и «Известий». Вместе с наступающими войсками был в Варшаве, Щецине, Берлине. Был специальным корреспондентом газеты «Известия» на Нюрнбергском процессе. Подготовил для «Черной книги» очерк «Лиозно» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 252–253) об уничтожении евреев города Лиозно Витебской области Белоруссии.

**THE TRANSCRIPT OF THE MEETING OF THE JEWISH
ANTI-FASCIST COMMITTEE LITERARY COMMISSION
OCTOBER 13, 1944**